

© 2025. М. И. Щербакова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
г. Москва, Россия

Искусство текстологии в научном наследии Л. Д. Громовой-Опульской. К 100-летию со дня рождения

Аннотация: В статье освещается вклад Л. Д. Громовой-Опульской в развитие отечественной текстологии, в подготовку изданий Л. Н. Толстого, для которых были разработаны уникальные принципы расшифровки рукописей, приемы определения редакций и вариантов художественных текстов, составления научного комментария. Более чем полувекое служение русской классической литературе вместило опыт подготовки академических изданий Толстого, Герцена, Достоевского, Чехова, Есенина. Открытия в области практической текстологии легли в основу теоретических статей ученого и концептуального труда «Проблемы текстологии русской литературы XIX века» (1982), в котором доказана диалектическая связь между историей литературы XIX в. и текстологией, утверждён *историзм* как универсальный принцип текстологического исследования, выявлена прямая и последовательная связь трех составляющих текстологии: *истории текста*, *творческой воли писателя* и *научной критики текста*. В статье рассмотрены конкретные примеры искусства текстологии Громовой-Опульской, подчерпнутые из архива подготовленных ею томов нового Полного собрания сочинений Толстого.

Ключевые слова: Л. Д. Громова-Опульская, Л. Н. Толстой, русская литература, научная критика текста, комментарий, текстология.

Информация об авторе: Марина Ивановна Щербакова, доктор филологических наук, профессор, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6705-8707>

E-mail: m-shcherbakova@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 11.04.2025

Дата одобрения статьи рецензентами: 19.05.2025

Дата публикации статьи: 25.06.2025

Для цитирования: Щербакова М. И. Искусство текстологии в научном наследии Л. Д. Громовой-Опульской. К 100-летию со дня рождения // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 2. С. 6–17. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-6-17>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 7, no. 2, 2025, pp. 6–17. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 7, no. 2, 2025, pp. 6–17. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2025. Marina I. Shcherbakova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

The Art of Textual Criticism in the Scientific Heritage of L. D. Gromova-Opulskaya. On the 100th Anniversary of Her Birth

Abstract: The article, dedicated to the memory of L. D. Gromova-Opulskaya, examines her contributions to the development of Russian textual criticism, particularly in the preparation of editions of L. N. Tolstoy. For this purpose, she developed unique principles for deciphering manuscripts, methods for determining editions and variants of literary texts and compiling scientific commentary. More than half a century of service to Russian classical literature included the experience of preparing academic editions of Tolstoy, Herzen, Dostoevsky, Chekhov, and Yesenin. Discoveries in the field of practical textual criticism formed the basis of theoretical articles by the scholar and conceptual work “Problems of Textual Criticism of Russian Literature of the 19th Century” (1982), which proved the dialectical connection between the history of literature of the 19th century and textual criticism, affirmed historicism as a universal principle of textual research, and revealed a direct and consistent connection between the three components of textual criticism: the history of the text, the creative will of the writer, and scientific criticism of the text. The article examines specific examples of Gromova-Opulskaya’s art of textual criticism, drawn from the archive of the volumes of Tolstoy’s new Complete Works that she prepared.

Keywords: L. D. Gromova-Opulskaya, L. N. Tolstoy, Russian literature, scholarly criticism of the text, commentary, textual criticism.

Information about the author: Marina I. Shcherbakova. DSc in Philology, Professor, Director of Research, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6705-8707>

E-mail: m-shcherbakova@mail.ru

Received: April 11, 2025

Approved after reviewing: May 19, 2025

Published: June 25, 2025

For citation: Shcherbakova, M. I. “The Art of Textual Criticism in the Scientific Heritage of L. D. Gromova-Opulskaya. On the 100th Anniversary of Her Birth.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 2, 2025, pp. 6–17. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-6-17>

Поздравляя Лидию Дмитриевну Громову-Опульскую с 75-летием, Петр Васильевич Палиевский написал о двух главных, любимых ею поприщах — текстологии и Толстом: «И не переступая порог знаменитой “стальной комнаты” Толстовского музея, всякий соприкоснувшийся с Толстым знает: море сменяющих друг друга вариантов, перетекающих в печать; не признающий никаких границ объем произведений, стремящихся к полноте; зачеркивания, перечеркивания, дополнения каждой страницы; развороченный, как под плугом, язык, устанавливающий свои правила... После революции, когда было принято решение издать всего Толстого (надо сказать, исполнявшееся), стало ясно, что задача потребует десятилетий труда. Свидетельствую: труд этот был для Лидии Дмитриевны почему-то легок и незаметен» [Мир филологии: 6].

Об этом же поздравление академика А. М. Панченко: «Сделав так много и хорошо в русистике, Вы никогда, в противоположность Антею, не отрывались от “матери — сырой земли” филологии — от текстов. Благодаря Вам мы знаем подлинного Чехова и узнаём настоящего Льва Толстого. Господь одарил Вас тремя главными добродетелями: верой, как источником добра, любовью, как зиждительным принципом жизни, и упованием, путеводной звездой человека» [Мир филологии: 5].

Как о примере «единства противоположностей» написала о Лидии Дмитриевне М. А. Соколова: «Лидия Дмитриевна — это могучий интеллект и тонкая поэтика души, это строгая дисциплина ученого и обаятельная раскованность доброго, милого человека; это железная рука и твердый характер умного заведующего, талантливого администратора, непримиримость и неукоснительная требовательность к окружающим (и к себе самой) в сочетании с мягкостью, подлинной добротой и уважением к подчиненным; это собранность ученого, фантастическая работоспособность, необыкновенная усидчивость за рабочим столом (сделанным, кстати, ее нежными руками) и легкость, увлеченность

М. И. Щербакова. Искусство текстологии
в научном наследии Л. Д. Громовой-Опудьской.
К 100-летию со дня рождения

*Лидия Дмитриевна Громова-Опудьская
(21 мая 1925 – 31 декабря 2003)
Фотография 1953 г.*

в поездках, путешествиях. Это спокойная деловитость хозяйки дома (отдела, группы) и нежность женщины. Это редкая по глубине и искренности доброжелательность и справедливость, при полном отсутствии злобы и зависти» [Мир филологии: 12].

Воспоминания о праздновании 25-летней давности не имели бы смысла, если бы все качества, отмеченные коллегами, не нашли отражение в академическом почерке Лидии Дмитриевны как текстолога. В ее трудовой книжке только две записи: Государственное издательство художественной литературы (с 1949 по 1953 гг.) и Институт мировой литературы РАН.

Свои «текстологические университеты» Лидия Дмитриевна, выпускница МГУ, ученица Н. К. Гудзия и Н. Н. Гусева, прошла в 90-том-

ном Юбилейном издании Полного собрания сочинений Толстого. За четыре года (1952–1955) ею были отредактированы пятнадцать (!) томов — шестая часть всего грандиозного издания.

В ИМЛИ, которому отдано более полувека, были подготовлены продолженные вслед за Н. Н. Гусевым, секретарем писателя, «Материалы к биографии Толстого»; посвященные Толстому тома «Литературного наследства»; в «Литературных памятниках» трилогия «Детство. Отрочество. Юность», «Казачи» и образцовое «Преступление и наказание» Достоевского. Служение в ИМЛИ вместило подготовку текстов, комментирование и редактирование 30-томного Герцена, 30-томного Достоевского, 30-томного Чехова, 7-томного Есенина, 6-томного Тютчева. «Не то что недруг, — друг позавидует столь дивной судьбе», — восклицал П. В. Палиевский [Мир филологии: 7].

Открытия в области практической текстологии легли в основу теоретических статей: «Некоторые итоги текстологической работы над Полным собранием сочинений Л. Н. Толстого» (1957), «Эволюция мировоззрения автора и проблема выбора текста» (1957), «Выбор источника основного текста. Проблема подготовки текстов к изучению» (1962) и др. В докторской диссертации «Проблемы текстологии русской литературы XIX века» (1982) Лидия Дмитриевна свела воедино результаты текстологической работы и теоретические выводы, доказав базовый тезис о существовании диалектической связи между историей литературы XIX в. и текстологией, тем самым утвердив *историзм* как абсолютно универсальный принцип текстологического исследования, выявив прямую и последовательную связь трех составляющих текстологии: *истории текста, творческой воли писателя и научной критики текста*. Эта теория не допускает ни схоластики, ни механического следования автографу, не допускает размывания на *множество* текстов *единичной* структуры итога текстологического исследования — критически установленного текста. В этой позиции сохранена верность традиционным принципам русской текстологической школы: *любить сам шедевр*, а не его редакции.

Проектом XXI в. было задумано Лидией Дмитриевной новое Полное собрание сочинений Толстого в ста томах. Как главный редактор и самый авторитетный биограф Толстого она заложила основу издания и теоретически обосновала решение ключевых спорных проблем: четырехтомной композиции «Войны и мира», творческой истории пове-

стей «Альберт», «Холстомер», истории текста «Казаков», «Анны Карениной» и др. Законы писательского мастерства приобрели наглядность в расшифрованных ею черновых редакциях и вариантах.

Рабочие материалы подготовленных томов нового издания — уникальная школа практической текстологии. Имея за плечами полувековой опыт работы с рукописными и печатными текстами, Лидия Дмитриевна на вопрос, почему так, а не иначе следует поступить, раскладывая варианты, нередко отвечала: «Так лучше», — прозревая общую картину творческого процесса равноценно авторскому поиску. В этом сказывалось ее искусство критики текста. Напомню, что в 2000 г. для выставки по случаю 90-летия смерти Толстого японский Университет Сёва-Дзёси попросил прислать не только вышедший первый том, в который традиционно вошла трилогия писателя, но и рабочие черновые материалы: листы первоначального компьютерного набора, комментария, испещренные исправлениями и пометами и др. Этим была явлена высокая оценка труда Лидии Дмитриевны.

В архивах вышедших томов — поучительные примеры текстологической работы, сверки текстов по всем сохранившимся рукописям; а это колоссальный объем. «Рукопись требует всегда особенного, необычайно пристального внимания!» [Громова-Опульская 2005: 465] — повторяла Лидия Дмитриевна. Результаты такого внимания отражены в списках исправлений (паспортах), внесенных в тексты повестей: «Детство» — 23 поправки, «Отрочество» — 12, «Юность» — 14, «Поликушка» — 6, «Казаки» — 65.

Несколько примеров. В «Детстве» буфетчик Гаврило, готовя пикник, достает сливы и персики не из *корóбочки*, а из *коробóчка*. Охотники *заатукали* (т. е. затравили собаками), а не *застукали* зайца. В «Юности», рассуждая о типе самоотверженной любви, автор описывает, как «брезгливо дотрогиваются» до больного пальца жены: именно *брезгливо*, а не *брюзгливо*, как напечатано в «Современнике». В первой редакции «Отрочества» (глава «Унижение») гувернер-француз «кричал о детях *mauvais sujet* и приказывал становиться на колени перед ним». Эту бессмыслицу Лидии Дмитриевне удалось исправить, увидев в графике словосочетания *о детях* французское выражение *à genoux* (на колени).

Столь же ювелирной была работа по восстановлению в толстовских текстах устаревших грамматических форм. Во второй редакции «Отро-

чества» отъезжающий Карл Иванович разговаривает с Николенькой, усаживаясь «на кресла подле кровати» — а не *на кресле*, как печаталось прежде; Иван Павлыч в «Декабристах» «вошел и сел на диване» — а не *на диван*; Лукашка в «Казаках» спрашивает Оленина: «Как же вы домой одни пойдете: темно» — прежнее ошибочное прочтение *один*; Ерошка сообщает, что «из сибирной стороны пришел» — не из *сибирской*; и он же: «Не то время, не тот вы народ, дермо казаки вы стали» — в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля зафиксирована именно эта старая форма слова.

В речи толстовских героев встречаются не только сложные, но и оригинальные в стилистическом отношении случаи, которые Лидия Дмитриевна бережно сохраняла, следуя авторскому замыслу. Так, в главе «Кордон» (Четвертое начало «Казаков») мать Кирки обращается к Ерошке: «Ты, дядя, к эсаулу-то сходи». Особенность южного говора передана и в другой ее реплике. «Ты бы должен пойти сам к эсаулу да девку Кирушке посватать», — выговаривает она Ерошке. Однако в этой же главе соответствующее нормам языка написание *есаул* сохраняется в вопросе Кирки к Ерошке: «А что, у Иляски есаул был?» — потому что Кирка это «сказал по-татарски» [Толстой 4 (19): 89]. В «Отрочестве» рассказ Карла Иваныча о себе передан Толстым в «тех же выражениях и с постоянно неизменяемыми интонациями... разумеется, исключая неправильности языка, о которой читатель может судить по первой фразе» [Толстой 1: 110]. А в черновой редакции история Карла Иваныча изложена «почти слово в слово в том виде, в котором он рассказывал ее... в том же порядке и в тех же выражениях» [Толстой 1 (19): 268]. Текст автографа это наглядно передает: «Да, я был красивый мужчина тогда»; «Да, я был красивый мужчина, голубой глаза, римско нози, und hohen Wuchses, высокой рост» [Толстой 1 (19): 272].

Учитель Лидии Дмитриевны, Н. К. Гудзий, по своему опыту знал, насколько легко необдуманным вторжением нанести ущерб тексту. Приняв критическую сверку печатного текста драмы Толстого «Власть тьмы» со всеми сохранившимися рукописями, он вернул нам подлинное богатство народного языка, чутко уловленное писателем. Следуя этому примеру, Лидия Дмитриевна освобождала толстовские шедевры от ошибок переписчиков, наборщиков и малоопытных редакторов. В «Кавказском романе» (будущие «Казаки») Лукашака наблюдает проплывающие мимо *карчи* — так правильно. После выстрела в абрека он

«продолжал следить за уплывающей карчей» и «ясно различил из-под карчи белеющуюся спину, около которой рябил Терек» [Толстой 4 (21): 204]. Но ранее в тексте Лукашка видел, как «по поверхности воды тянулись черные тени, которые привычный глаз казака различал за проносимые сверху коряги» [Толстой 4 (21): 202], а старик Ерошка шепотом отвечал ему: «Карга», что означает согласие. Наборщику легко сбиться (*коряга — карча — карга*), что и произошло, однако вовремя было замечено Лидией Дмитриевной. Также восстановлены разговорные формы в речи казаков: *видно / видко; Какое ружье? / Како ружье?; Экий народ стал / Экой народ стал*. Принцип, которому следовала Лидия Дмитриевна, был сформулирован ею в одной из ранних статей: «Опыт текстологической работы над изданием Толстого подтвердил непрерывность общего текстологического правила: если в результате вольной или невольной посторонней поправки или небрежности в последний авторизованный текст вкралась ошибка, искажающая смысл или стиль, ее необходимо исправить по автографу, копии или корректуре, передающим правильное, авторское написание» [Громова-Опупьская 2005: 298].

Научная критика текста предполагает не только верное прочтение рукописей, но и равноценную их передачу в опубликованном виде. В подготовленных Лидией Дмитриевной томах устранены затемнявшие смысл элементы оформления, например, в диалогах. В «Казаках» есть разговор Оленина и Ванюши с ямщиком-ногайцем:

— Что это? Что это такое? — спросил он у ямщика.

— А горы, — отвечал равнодушно ногаец.

— И я тоже давно на них смотрю, — сказал Ванюша, — вот хорошо-то! Дома не поверят [Толстой 4: 17].

Реплика: «Дома не поверят» ошибочно оформлялось как самостоятельная. Чья? Оленина? Вряд ли. Конечно, она в духе Ванюши и должна быть присоединена к его предыдущим словам. Такое решение приняла Лидия Дмитриевна в стотомном издании Толстого.

Оставаясь противницей посторонних вторжений в текст писателя, Лидия Дмитриевна допускала исключения в виде надстрочных знаков в случаях крайней смысловой необходимости. В «Казаках» Лукашка велит Назарке: «Беги за водкой! На деньги!», Ерошка вспоминает старые

времена: «На маслянице бывало. Так как разлетится какой молодец, а они бьют, лошадь бьют, его бьют...»; знак ударения введен и в умозаключение Ерошки о предназначении красивых женщин: «Нет, отец мой, это не грех, а спасенье».

Расшифровка рукописей никогда не была для Лидии Дмитриевны делом механическим, хотя она часто говорила, что «больше всего на свете любит разбирать буковки». «По существу эта работа наиболее далека от крохоборства и сухости: в ней исследователь пытается проникнуть в мастерскую гения, подсмотреть его творческую работу», — писал о «разборе буковок» С. М. Бонди [Бонди: 16]. Действительно, текстолог воссоздает хронологическую динамику творческого процесса, реконструирует *историю текста*. Результаты его раздумий над рукописями лежат в основе научного комментария, который у Лидии Дмитриевны, без преувеличения, можно назвать образцом искусства текстологии.

Редакторские ремарки в подготовленных Лидией Дмитриевной изданиях переросли свое факультативное значение и превратились в особый, самостоятельный тип научного комментария к редакциям и вариантам художественных произведений Толстого. Они настолько содержательны, что все особенности автографов воспринимаются так же зримо, как в дипломатическом издании: *начало фразы вписано; текст вписан на полях и зачеркнут; зачеркнуто и восстановлено; первоначально; далее несколько листов утрачено; над текстом зачеркнутое заглавие; обозначение главы вписано между строк; позднее изменено; текст входит в зачеркнутый и затем исправленный фрагмент; на свободном в копии месте не разобранного слова Толстой вписал; в следующей копии слова остались не разобранными* и др. «Нужно уметь постигать мотивы творчества, видеть пружины движения текста, причины изменений», — подчеркивала Лидия Дмитриевна [Громова-Опульская 2005: 463]. Без добытых из рукописей аргументов картина истории текста и, шире, творческой истории толстовских шедевров была бы не только неполной, но искаженной.

Восстанавливая эпизоды творческой истории ранних произведений Толстого, Лидия Дмитриевна обращалась к фактам и реалиям, придававшим научному тексту повествовательную интригу, в результате чего появлялся увлекательный рассказ о том, как создавался шедевр: «С 1862 г. у Толстого появилась постоянная помощница в переписке,

жена Софья Андреевна; копировали и другие лица. Для истории текста это обернулось разными последствиями. <...> Возникали описки, которые иногда исправлялись тут же, и ошибки, доходившие до печати. <...> Впрочем, нередко имела место диктовка или устные указания и таким образом в рукописях, выполненных иным лицом, появлялись изменения, идущие от автора» [Громова-Опульская 2002: 568].

В последние годы Лидия Дмитриевна не подводила итоги, это не было ей присуще. Наоборот, торопилась обозначить новые рубежи научной критики текста в статьях «Текстология незавершенного», «Основания “критики текста”», «Текст и произведение: связь/противостояние». Обосновала и подготовила новый тип издания — Полное собрание переписки Л. Н. Толстого и Н. Н. Страхова.

Главным завещанием стал урок нравственный, касающийся этической стороны научного труда: «Глубоко убеждена, что наш успех зависит в первую очередь от того, кем чувствует себя текстолог и соответственно как он поступает в своих решениях. Если он любитель новаций, экспериментов и жаждет себя показать, то есть излишне самонадеян, успеха быть не может. Если текстолог понимает свою миссию как *служение* гению, все в порядке» [Громова-Опульская 2005: 477].

В науке о русской литературе Лидия Дмитриевна оставила яркий след как крупный текстолог и как организатор научной жизни, во многом определив облик современной русистики.

За выдающиеся научные достижения в области текстологии Л. Д. Громова-Опульская 26 мая 2000 г. на Общем собрании РАН была выбрана членом-корреспондентом Российской Академии наук; 27 июня 2000 г. Указом Президента РФ ей присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», в 1997 г. Л. Д. Громова-Опульская получила высокую академическую награду — премию им. А. А. Шахматова.

Список литературы

Источники

Толстой Л. Н. Юность // Современник. 1857. № 1. С. 13–163.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 100 т. Художественные произведения. М.: Наука, 2001. Т. 4. 376 с.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 100 т. Редакции и варианты художественных произведений. М.: Наука, 2002. Т. 4. 600 с.

Исследования

Бонди С. М. Черновики Пушкина. Статьи 1930–1970 гг. М.: Просвещение, 1971. 232 с.

Громова-Опульская Л. Д. Избранные труды. М.: Наука, 2005. 530 с.

Громова-Опульская Л. Д. Комментарии // *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 100 т. Художественные произведения. М.: Наука, 2001. Т. 4. С. 263–321.

Громова-Опульская Л. Д. Комментарии // *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 100 т. Редакции и варианты художественных произведений. М.: Наука, 2000. Т. 1 (19). С. 546–554.

Громова-Опульская Л. Д. Комментарии // *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 100 т. Художественные произведения. М.: Наука, 2000. Т. 1. С. 381–481.

Громова-Опульская Л. Д. Комментарии // *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 100 т. Редакции и варианты художественных произведений. М.: Наука, 2002. Т. 4 (21). С. 568–583.

Мир филологии. Посвящается Л. Д. Громовой-Опульской. М.: Наследие, 2000. 384 с.

References

Bondi, S. M. *Chernoviki Pushkina. Stat'i 1930–1970 gg.* [*Pushkin's Drafts. Articles, 1930–1970*]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971. 232 p. (In Russ.)

Gromova-Opul'skaia, L. D. *Izbrannye trudy* [*Selected Works*]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 530 p. (In Russ.)

Gromova-Opul'skaia, L. D. “Kommentarii” [“Comments”]. Tolstoi, L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 100 t. Khudozhestvennye proizvedeniia* [*Complete Works: in 100 vols. Fiction*], vol. 4. Moscow, Nauka Publ., 2001, pp. 263–321. (In Russ.)

Gromova-Opul'skaia, L. D. “Kommentarii” [“Comments”]. Tolstoi, L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 100 t. Khudozhestvennye proizvedeniia* [*Complete Works: in 100 vols. Fiction*], vol. 1 (19). Moscow, Nauka Publ., 2000, pp. 546–554. (In Russ.)

Gromova-Opul'skaia, L. D. “Kommentarii” [“Comments”]. Tolstoi, L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 100 t. Khudozhestvennye proizvedeniia* [*Complete Works: in 100 vols. Fiction*], vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 2000, pp. 381–481. (In Russ.)

Gromova-Opul'skaia, L. D. “Kommentarii” [“Comments”]. Tolstoi, L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 100 t. Khudozhestvennye proizvedeniia* [*Complete Works: in 100 vols. Fiction*], vol. 4 (21). Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 568–583. (In Russ.)

Mir filologii. Posviashchaetsia L. D. Gromovoi-Opul'skoi [*The World of Philology. Dedicated to L. D. Gromova-Opul'skaya*]. Moscow, Nasledie Publ., 2000. 384 p. (In Russ.)